

Е. Б. МУЗРУКОВА, Р. А. ФАНДО

«ПЕРЕД СТРАНОЙ Я СВОЙ ДОЛГ ВЫПОЛНИЛ ПОЛНОСТЬЮ...»

**(жизнь и творчество В. П. Эфроимсона
по материалам архива РАН)**

В статье представлен ряд документов из фонда 2024 Архива РАН, который стал доступен для исследователей только в 2010 г. и содержит материалы о жизни и творчестве видного советского генетика В. П. Эфроимсона. Впервые вводимые в научный оборот, эти материалы позволяют расширить наши знания о жизненном пути ученого и многих эпизодах истории отечественной биологической науки. Особую ценность представляют документы, связанные с историей зарождения и развития в СССР генетики человека.

Ключевые слова: Архив РАН, история отечественной генетики, историко-научный анализ архивного наследия В. П. Эфроимсона, новые страницы биографии ученого.

Владимир Павлович Эфроимсон (1908–1989) – видный советский генетик, в судьбе которого отразились перипетии XX столетия: Февральская и Октябрьская революции, репрессии 1930-х гг., Великая Отечественная война, разгром генетики, преследование космополитов, диссидентство, время «застоя», бурные годы «перестройки». Его жизненный путь – пример биографии российского ученого-интеллекта, всегда боровшегося за идеи гуманизма и свободы, настоящего труженика науки, мечтавшего помочь своими исследованиями тяжело больным людям.

Через несколько лет после смерти ученого, в 1992 г., документы из его личного архива были переданы Еленой Артемовной Изюмовой, секретарем и наследницей Эфроимсона, работавшей с ним на протяжении многих лет, в Архив РАН, где образовали фонд 2024. Обработка этого собрания заняла многие годы, и только в 2010 г. фонд ученого стал доступен для исследователей и авторам настоящей статьи удалось ознакомиться с содержащимися в нем материалами.

Опись фонда содержит шесть разделов. В первом отражены, как видно из самого его названия, «Научные труды и другие творческие материалы» Эфроимсона. Здесь два подраздела: «Монографии, статьи, доклады, выступления, лекционные курсы, материалы и научные труды» и «Рецензии и отзывы». Наиболее полно в архиве представлены материалы, касающиеся начальных этапов научной деятельности ученого. Особый интерес представ-

ляют те из них, которые связаны с деятельностью Эфроимсона в области медицинской генетики, иммунологии, радиобиологии, онкологии, экспериментами над тутовым шелкопрядом. Многие из этих работ не опубликованы до сих пор.

Второй раздел «Биографические документы» включает в себя три подраздела и представлен 60 делами за период с 1890 по 1990 г. Первый подраздел содержит «Личные и автобиографические документы, документы об учебе, юбилейно-поздравительные, имущественные документы». Во втором подразделе «Документы о В. П. Эфроимсоне» имеются характеристики Владимира Павловича, написанные такими выдающимися учеными, как Г. Мёллер, Б. Л. Астауров, Н. П. Дубинин, С. С. Четвериков. Значительную часть материалов этого раздела представляют рецензии и отзывы на статьи Эфроимсона, которые были написаны крупнейшими специалистами в области генетики С. Н. Давиденковым, Е. Ф. Давиденковой, И. А. Рапопортом, М. Е. Лобашевым, Г. П. Георгиевым, Л. И. Корочкиным.

В третьем подразделе собраны фотографии из личного архива ученого. Здесь имеются портреты самого Владимира Павловича Эфроимсона, его близких – жены Марии Григорьевны Цубиной и ее дочери от первого брака с академиком Н. П. Дубининым – Ансельмы Николаевны Дубининой; брата – Аркадия Павловича Эфроимсона; отца – Павла Ефремовича Эфроимсона. Встречаются и фотографии учителей Владимира Павловича – Николая Константиновича Кольцова и Соломона Григорьевича Левита.

Документы о научно-организационной деятельности, собранные в третьем разделе, содержат материалы, проливающие свет на работу ученого в различных институтах. Здесь же находятся письма Эфроимсона в Президиум АН СССР, ЦК КПСС, касающиеся вопросов развития медицинской генетики и биохимии. Сохранились и включены в этот раздел и пригласительные билеты на конференции, симпозиумы. Четыре дела, упомянутые в конце раздела, посвящены научно-педагогической, редакционно-издательской и международной деятельности ученого.

Четвертый раздел «Переписка» включает в себя 253 письма за период с 1941 по 1989 г. и состоит из двух подразделов – письма от Эфроимсона и письма к нему. Круг интересов Владимира Павловича был очень широк, о чем свидетельствует его переписка не только с учеными различных специальностей, но и с деятелями культуры и искусства. В архиве хранятся письма, написанные рукой актрисы Светланы Андреевны Тома (настоящая фамилия Фомичева), писателя Вениамина Александровича Каверина, литературного критика Евгении Александровны Таратуты.

В пятом разделе «Материалы родственников» содержатся 15 дел, касающихся жизни и деятельности М. Г. Цубиной, жены Эфроимсона, биографии его приемной дочери А. Н. Дубининой, личные документы Эсфири Григорьевны Цубиной – преподавателя, переводчика, сестры М. Г. Цубиной, Павла Ефремовича Эфроимсона – банковского служащего, отца В. П. Эфроимсона, и Аркадия Павловича Эфроимсона – журналиста, брата Владимира Павловича.

Последний, шестой, раздел описи «Труды других лиц» содержит 20 дел и охватывает период с 1927 по 1989 г. В нем находятся программа учеб-

ного курса по селекции шелкопряда Б. Л. Астаурова, автобиографические заметки А. Г. Гурвича, воспоминания И. А. Рапопорта, воспоминания известного физика В. А. Цукермана об академике И. Е. Тамме.

Всего опись включает 508 дел, охватывающих период с 1890 по 1990 гг. Особую ценность архивному фонду придают материалы, связанные с историей зарождения и развития генетики человека в СССР. Это в основном рукописные документы, эпистолярное наследие ученого, воспоминания выдающихся деятелей науки, собранные Эфроимсоном в различные периоды своей жизни.

В данной статье приводятся выдержки из документов фонда 2024, которые позволяют расширить наши знания о жизненном пути ученого и многих эпизодах истории отечественной биологической науки. Хочется надеяться, что они будут интересны всем, кто хочет лучше узнать историю отечественной биологии, а также молодым исследователям, только начинающим свой путь в генетике, в развитии которой большая роль принадлежит

Владимиру Павловичу Эфроимсону. Не случайно в качестве заглавия публикации мы выбрали выдержку из письма Эфроимсона, написанного в 1950 г.: «Перед страной я свой долг выполнил полностью».

* * *

Владимир Павлович Эфроимсон родился в Москве в семье банковского служащего Павла Рувимовича (Ефремовича) Эфроимсона. С ранних лет он стал серьезно увлекаться историей, просиживая часами в Румянцевской библиотеке за чтением книг. К пятнадцати годам он экстерном оканчивает школу, приобретая к тому времени энциклопедические знания и свободно владея пятью иностранными языками. В 1925 г. Эфроимсон поступает на биологическое отделение физико-математического факультета 1 МГУ, где начинает заниматься изучением генетики. В 1929 г. он открыто выступил в защиту своего учителя – Сергея Сергеевича Четверикова, которого преследовали из-за принадлежности к богатому купеческому роду. За смелую речь, произнесенную в поддержку Четверикова на университетском собрании, Эфроимсон был исключен из университета, став впоследствии выдающимся генетиком, не имеющим диплома о высшем образовании:

*В. П. Эфроимсон в военной гимнастике.
Мемориальный кабинет-музей Н. И. Вавилова в ИОГене РАН*

В 1929 г. меня «выперли» из университета. Своими словами: в 1929 г. из университета выгнали Четверикова ¹, я встал и начал ораторствовать. Четвериков у нас читал курс, был превосходным преподавателем. Мы все знали его статью 1926 года «О некоторых проблемах эволюционного учения с точки зрения современной генетики» ².

В 1932 г. по приглашению директора Медико-биологического института С. Г. Левита ³ Эфроимсон начинает заниматься вопросами генетики человека. «Левит был демократичен, прост в общении, обладал огромным чувством юмора» ⁴. Левит был в Техасе у Г. Мёллера ⁵. Мёллер сказал, что он получил письмо от Эфроимсона, который написал, что в 1931 г. обнаружил, что в первые две недели после пересадки облученных самцов дрозофил к новым необлученным самкам, в половых хромосомах обнаруживалось много мутаций, но через две недели – число мутаций падало. Мёллер сказал об Эфроимсоне: «Young boy by the name Efroimson has made a discovery» («Молодой человек по имени Эфроимсон совершил открытие») ⁶. Впоследствии всемирно известный ученый дал отзыв о научных работах 25-летнего Эфроимсона:

¹ Сергей Сергеевич Четвериков (1880–1959) – отечественный генетик-эволюционист, одним из первых объяснивший положения дарвиновской теории естественного отбора с позиций генетики. В 1929 г. Четвериков был арестован и два месяца провел в Бутырской тюрьме, а позднее выслан на три года в Свердловск. Из-за запрета на возвращение в Москву он был вынужден остановиться во Владимире, где в 1932–1934 гг. преподавал в Учкомбове (Учебном комбинате по борьбе с вредителями сельского хозяйства), а затем в 1934–1935 гг. – в Сельскохозяйственном техникуме. В 1935–1948 гг. Четвериков заведовал кафедрой генетики и селекции Горьковского государственного университета. В 1948 г. после августовской сессии ВАСХНИЛ был уволен из университета.

² АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 124. С. 38.

³ Соломон Григорьевич Левит (1894–1938) – российский генетик, один из основоположников медицинской генетики. В 1921 г. окончил 1 МГУ. В 1926–1930 гг. был ученым секретарем Общества врачей-материалистов при Коммунистической академии. В 1930–1931 и 1932–1935 гг. – директор Медико-биологического института. В 1930–1932 гг. стажировался в США по приглашению Г. Мёллера. Во время командировки был снят с поста директора. Одной из заслуг Левита является организация научной школы в области медицинской генетики. В ночь с 10 на 11 января 1938 он был арестован, 17 мая приговорен к смертной казни за терроризм и шпионаж, 29 мая расстрелян и похоронен в Южном Бутове (Москва). 5 сентября 1956 г. посмертно реабилитирован.

⁴ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 124. Л. 3.

⁵ Герман Джозеф Мёллер (1890–1967) – американский генетик, один из основоположников радиационной генетики. В 1912–1916 и 1918–1920 гг. в Колумбийском университете участвовал в разработке хромосомной теории наследственности в группе Т. Х. Моргана. Мёллер доказал, что каждая группа сцепления генов соответствует определенной хромосоме, он также открыл явление интерференции кроссинговера и разработал теорию сбалансированных летальных мутаций. В 1927 г. Мёллер установил, что рентгеновское облучение в тысячи раз повышает частоту мутаций в половых клетках дрозофилы. За это открытие он получил Нобелевскую премию по физиологии и медицине (1946). В 1933–1937 гг. Мёллер работал в Институте генетики АН СССР. В 1934 г. по представлению Н. И. Вавилова он был избран иностранным членом-корреспондентом АН СССР. В сентябре 1948 г. Мёллер направил в Академию наук СССР письмо с отказом от звания в знак протеста против преследования генетики в СССР, а в январе 1949 г. был этого звания лишен. В 1990 г. звание иностранного члена-корреспондента АН СССР Мёллеру восстановили посмертно.

⁶ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 124. Л. 3.

16.05.1934.

Всем, кого это может касаться, настоящим заявляю, что по твердому убеждению нижеподписавшегося биологические работы Владимира Павловича Эфроимсона представляют высокую научную ценность. Принимая во внимание его молодость, результаты его исследований, которые он до настоящего времени опубликовал, представляются исключительными и свидетельствуют об уме, проницательности и творческой силе. Кроме как с научной стороны, я его совсем не знаю, но если другие соображения это позволили бы, надо надеяться, что ему будет дана возможность продолжать делать вклады в науку.

Проф. Г. Г. Мёллер ⁷

Несмотря на успешное начало научной деятельности, судьба Эфроимсона резко изменилась в 1932 г.: его арестовали за участие в Российском вольном философском обществе, приговорив к трем годам исправительно-трудовых работ в лагере «за антисоветскую агитацию и пропаганду».

По возвращении из лагеря Эфроимсон устроился в Среднеазиатский НИИ шелководства, где проработал с 1936 по 1938 г. В эти годы начались гонения на генетику, что повлияло на его дальнейшую научную карьеру. Набор его книги «Генетика тутового шелкопряда», принятой к печати издательством АН СССР, был рассыпан, а молодого ученого выгнали из института. Работы по генетике тутового шелкопряда были продолжены им на Всеукраинской станции шелководства в городе Мерефе (1938–1939).

С августа 1940 по август 1941 г. Эфроимсон работал учителем в школе № 6 города Купянска Харьковской области. В июне 1941 г. он защитил кандидатскую диссертацию в Харьковском университете.

С самого начала войны Владимир Павлович был призван на фронт, сражался в действующей армии, участвовал в разведывательных операциях.

В феврале 1945 г. Эфроимсон подал рапорт в Военный совет армии, в котором сообщал о случаях массового изнасилования советскими солдатами женщин на завоеванных территориях:

На третий день войны пришел в Харькове в военкомат – говорю, что знаю немецкий как русский. Отвечают, что очень нужны такие.

*С. Г. Левит, учитель В. П. Эфроимсона
(Архив РАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 194. Л. 1)*

⁷ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 173. Л. 1.

*М. Г. Цубина, жена В. П. Эфроимсона
(Архив РАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 196. Л. 10)*

– Да, но я, во-первых, еврей и немец ненавижу, а во-вторых, у меня есть судимость.

– Сейчас выясню, как у них там дела с кадрами.

По возвращении отвечают, что места все заняты.

И тогда я понял, что к работе, связанной с немецким языком, я допускаться не буду.

Служил в 49-й, а потом в 33-й армии. Формировалась армия в Москве. Меня назначили помощником начальника разведки дивизии. Начальником разведки дивизии был Борис Трофимов – любимый ученик Иоффе.

В 1942 г. стал служить в медсанбате.

Я подал заявление прокурору армии. Объяснил суть дела: советские солдаты насилуют множество иностранных женщин – это приведет к тому, что позорные факты станут известны всему миру.

Начсанармии Лялин вместе со своим заместителем по хирургии ругали меня последними словами [...] Я – эпидемиолог. Это мое дело. Будут венерические болезни. Кончилось

тем, что меня вычеркнули из наградного листа. В конце войны я все же получил Орден Отечественной войны 2-й степени⁸.

Письма с фронта, написанные Эфроимсоном своей Микки (так он называл свою супругу М. Г. Цубину), передают не только ход событий военного времени, но и отношения простых людей к этим событиям:

12/XII – 41

Дорогая Микки.

Я призван в армию – вот уже три недели тому назад. Идем пешком к Волге, может быть, скоро пойдем на поезд. Чувствую себя превосходно, ни в чем не нуждаюсь. Свои вещи оставил в Тамбове, у отца моего знакомого, идущего со мной. Види на будущее – совершенно неопределенные. Как только обрету точный адрес свой, сейчас же сообщу Вам. Угнетает отсутствие вестей от Вас – чисто случайно узнал в Тамбове об отъезде папы 24/X на восток. Крепко, крепко целую тебя и Рыжика. Привет всем твоим.

Володя⁹.

⁸ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 124. Л. 44.

⁹ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 264. Л. 28.

20/XII – 41

Саратов

Дорогие мои.

Я все в движении, не имею от Вас никаких вестей и не рассчитываю скоро получить что-либо. Как я писал Вам несколько раз, устроился в Тамбове в сан. эпид. лабораторию вольнонаемным лаборантом с видами на мобилизацию и производство в энтомологии; десять дней зубрил малярийные препараты, комаров и т. п. А 24/XI лабораторию свернули, меня же мобилизовали в тот же день по повестке – рядовым. Шли три недели, прошли 200 км. У меня был в Тамбове хороший библиотечный приятель, уже раненый в эту войну. Станным образом нас призвали одновременно, и мы оказались вместе. В компании весело и с удовольствием прошагали мы 200 км, читая друг другу на память самые несоответствующие обстановке стихи. Затем, неделю назад, нас разлучили – направили в разные места, и я, с гораздо большими трудностями и неудобствами проехав еще 200 км по железной дороге, оказался в Саратове – 19/XII рано ночью. Вчера весь день ждал назначения и сейчас пойду его получать. Направляют в полевой госпиталь старшим лаборантом (результат харьковских курсов) куда-то, кажется, в Саратовской области. Вот и все мои новости. Очень тоскую и беспокоюсь о Вас, хотя и знаю, что никаких вестей от Вас «странствующему от странствующих» ждать не приходится¹⁰.

1/III – 1942

Дорогая моя.

Сегодня получил, наконец, письмо от тебя. Знаешь, после него я больше чем когда-либо за харьковское время почувствовал, что мы связаны прочно, так, что никакие расстояния, никакие сроки не могут отдалить друг от друга.

Бережно нес письмо в лабораторию, потом, отделавшись от всех дел, уселся в углу и стал читать. Очень больно, очень страшно, что ты, моя гордая, независимая, смелая, должна была пройти через все это хамство и издевательство, через все эти мучения, вши, мороз и голод. Но все это в конце концов не так важно по сравнению с тем, что у Рыжика. Я ведь так и не понимаю, что с ней. Неужели туберкулез? Если тебе не говорили врачи, то теперь вероятно все уже понятно.

*Ансельма Николаевна Дубинина –
приемная дочь В. П. Эфроимсона
(Архив РАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 192. Л. 2)*

¹⁰ Там же. Л. 34–35.

Дорогая моя, не удручай себя думами о моем отчуждении. Это такой дикий вздор, что над ним можно было бы смеяться, если бы не было так тяжело от всего. Очень много, очень нежно думаю о тебе и думаю все время, славная моя, милая, ну зачем еще этим мучиться. Когда думаешь о тебе, как-то руки сами поднимаются, чтобы обнять тебя, и шепчешь ласковые слова. Мне так хотелось бы взять твою голову обеими руками, прижать к себе, коснуться губами твоего лица, увидеть твои глаза, почувствовать твои руки на своей шее или самому положить голову к тебе на грудь и почувствовать пальцы, перебирающие волосы...¹¹

30/V

Дорогая, вчера вечером у нас был концерт. Слушали Ойстраха, и я дошел до такого опьянения, что ходил часов до двух, вспоминая разные хорошие стихи. [...] Услышать и умереть. Вот сейчас солнце жжет щеку, а я думаю, что мог бы и не ощущать этого никогда больше [...] Да, сижу я как на даче, рядом землянка с нарами и печкой, перед носом – шалаш из еловых ветвей, вбитые в землю столы, скамейки. Все очаровательно, за исключением пера, рвущего бумагу.

Голубое небо, земля, не просыхающая после вечных дождей, и даже комары сегодня не буйствуют. Так и живем. Сегодня у меня работы уйма. Крепко, крепко целую.

Володя¹².

После окончания войны, с 1945 по 1948 г., Эфроимсон работал доцентом Харьковского университета. В 1947 г. он защитил докторскую диссертацию «Проблемы генетики, селекции и гибридизации тутового шелкопряда». По окончании августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, наложившей официальный запрет на генетические исследования, ученого лишили докторской степени:

Харьковский биофак, кафедра дарвинизма. Дарвиновский музей. Зав. кафедрой Илья Михайлович Поляков сказал: «Я сделал ошибку, взяв Эфроимсона доцентом кафедры дарвинизма и генетики. Его надо было взять в музей в качестве экспоната. Посадить в клетку и написать “Человек неразумный, верящий в человеческую порядочность. Вымирающая ветвь. Тупик эволюции”»¹³.

В 1946 году я защитился. Диссертация ушла в ВАК. ВАК отправил ее Дубинину. Дубинин держал диссертацию 7 месяцев. Хотя оппонентами были классики – Астауров¹⁴, Четвериков и Делоне¹⁵. В октябре-ноябре 1947

¹¹ Там же. Л. 173.

¹² Там же. Л. 117–118.

¹³ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 124. Л. 44.

¹⁴ Борис Львович Астауров (1904–1974) – выдающийся биолог (эмбриолог, цитолог, генетик), академик АН СССР. Своими экспериментами доказал ведущую роль ядра в наследовании признаков вида и впервые разработал методику искусственного партеногенеза и искусственного андрогенеза у тутового шелкопряда. В 1967 г. организовал Институт биологии развития, директором которого оставался до своей смерти.

¹⁵ Лев Николаевич Делоне (1891–1969) – советский цитогенетик. Окончил в 1919 г. Киевский университет. В 1919–1925 гг. вел научные исследования в Тбилисском ботаническом саду. С 1925 г. – в НИИ «Главсахар» (Киев), с 1928 по 1933 гг. – в Масловском институте селекции и семеноводства, с 1933 по 1948 г. – заведовал кафедрой в Харьковском сельскохозяйствен-

года, когда началась борьба с космополитизмом, диссертацию с положительным отзывом он отправил в ВАК. Но было уже поздно.

В ВАКе отдали рецензию Лискуну¹⁶. Лискун оценил положительно, но сказал, что одобрить диссертацию невозможно, так как она слишком сложно написана. Какой-то профессор-артиллерист сказал, что это чушь – у нас хорошие диссертации вообще-то понимают 2–3 человека. 6.01.1948 года пленум ВАК утвердил работу¹⁷.

06.10.1948

[...] Публика сидит и ждет, что будет дальше (имеются в виду последствия августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года. – *Е. М., Р. Ф.*). Зенкевич, Формозов и др. еще работают [...] Была в сверхсрочном порядке выпущена книжка Бернштейна¹⁸ «Против универсализма и упрощенчества в медицине». Я уже видел ее в Короленковской, но не обратил внимания. Я пошел в Ленинскую заказывать все нужное и просмотрел ее. Серьезная, остроумная и, по-видимому, правдивая критика Лины Штерн¹⁹ с ее гематоэнцефалическим барьером. Просмотри.

Кстати о Штерн. На активе АН ее стали попрекать и крыть за то, что она написала ходатайство о выдвижении Н. П. в Ч. К. (члены-корреспонденты АН. – *Е. М., Р. Ф.*). Она долго извивалась и каялась. Потом встал Орбели²⁰ и заявил, что, собственно, Штерн ничего не подписывала, ибо

ном институте, одновременно с 1946 г. работал в Украинском институте растениеводства, генетики и селекции. Основные научные труды посвящены кариосистематике, цитологии и генетике растений. Впервые предложил термин «кариотип». Автор учебника «Курс генетики» (1938).

¹⁶ Ефим Федотович Лискун (1873–1958) – отечественный исследователь в области животноводства, действительный член ВАСХНИЛ (с 1934 г.), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1934). С 1923 г. работал в ТСХА. Долгое время занимался зоотехникой. В своих работах с киргизским красностепным и астраханским скотом утверждал, что качества породы изменяются в зависимости от условий содержания и кормления. Проводя массовые опыты (1936) раздоя коров, показал, что возможно поднять удой коров в два-три раза. Имя Лискуна было присвоено Государственному музею животноводства в Москве, созданному в 1950 г.

¹⁷ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 124. Л. 42.

¹⁸ Николай Александрович Бернштейн (1896–1966) – отечественный физиолог, создатель нового научного направления – физиологии активности. Начал свою научную деятельность в 1922 г. в Центральном институте труда, где разработал общие основы биомеханики. В 1925 г. перешел в Институт психологии, где продолжил изучение вопросов живого движения.

¹⁹ Лина Соломоновна Штерн (1878–1968) – отечественный физиолог и биохимик, автор фундаментальных исследований в области клеточного дыхания, создатель концепции гематоэнцефалического барьера. Первая женщина – действительный член Академии наук СССР (1939). Была членом Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). В 1949 г. осуждена по «делу ЕАК» и приговорена к 3,5 годам тюрьмы и последующим 5 годам ссылки. В 1953 г. возвратилась в Москву, попал под амнистию. Реабилитирована в 1958 г.

²⁰ Леон (Левон) Абгарович Орбели (1882–1958) – выдающийся физиолог и организатор науки, академик АН СССР (1935), АН Армянской ССР (1943), АМН СССР (1944), Герой Социалистического Труда (1945), генерал-полковник медицинской службы. Ближайший ученик и сотрудник И. П. Павлова. Директор Физиологического института им. И. П. Павлова АН СССР (1936–1950) и Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова АМН СССР (1939–1950). В 1939–1948 гг. – академик-секретарь Отделения биологических наук, в 1942–1946 гг. – вице-президент АН СССР. В 1956 г. организовал и возглавил институт эволюционной физиологии им. И. М. Сеченова АН СССР.

ходатайство шло от бюро. Посыпались возгласы – неправда, она же каялась только что. Да нет, это она просто растерялась!

Таких инцидентов оказалось великое множество, но от этих веселых рассказов не веселее. Я скоро ушел в Ленинку, за один день повстречал там больше знакомых, чем в нормальное время за полгода. Между прочим, онкологов и рентгенологов не тронули [...]

Кстати, слухи о поголовном выгоне зоологов из университета не верны. Ходят, правда, слухи, что на очереди Курсанов, Зенкевич и Формозов. Но это лишь слухи. Вообще же тенденция будто бы такая – кому-то же работать надо ²¹.

В мае 1949 г. Эфроимсон был вторично арестован и осужден на семь лет за клевету на Советскую армию:

Я жил в Харькове в 1949 году. Не оформил даже кандидатской диссертации. Правда, был доцентский диплом, но не было документа ни о кандидатской, ни о высшем образовании.

Приехал в 1949 году в Харьков, где меня и арестовали в мае 1949 года. По статье 35, как лицо без определенных занятий, хотя я поехал в Харьков и по договору начал составлять англо-русский зоологический словарь ²².

После ареста Эфроимсона в 1949 г. его жена написала И. В. Сталину письмо, выдержки из которого приводятся ниже:

Больше полугода назад, 24 мая 1949 г., мой муж – научный работник, доцент Эфроимсон Владимир Павлович, был арестован МГБ СССР.

Мне неизвестны причины ареста и предъявленные обвинения. Может быть, это в какой-то мере связано с упоминанием незадолго до ареста его фамилии американским профессором Мёллером, бывшим членом-корреспондентом Академии наук СССР, называвшим в клеветнических передачах «Голоса Америки» имя В. П. Эфроимсона как крупного ученого, преследуемого в СССР (по мнению Мёллера) за научные взгляды в области биологии.

Возмущенный провокационным выпадом Мёллера (думаю, что материалом для этого выпада могла послужить статья в «Вестнике высшей школы» № 12 за 1948 г., где говорится о том, что экспертная комиссия Высшей аттестационной комиссии неправильно поступила, утвердив докторскую диссертацию В. П. Эфроимсона), В. П. Эфроимсон немедленно обратился по телефону в отдел науки ЦК ВКП к ответственному работнику аппарата товарищу Жениховой с просьбой принять его и помочь ему отредактировать заявление в печать с протестом против клеветнического выпада Мёллера; Женихова переадресовала его к другому сотруднику отдела науки – товарищу Жеребцову, которому он звонил трижды, но в приеме ему, к сожалению, все же было отказано.

Историческая августовская сессия ВАСХНИЛ является образцом обсуждения и решения научных проблем, возможным только в условиях нашего социалистического общества. Муж не присутствовал на августов-

²¹ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 264. Л. 201–203.

²² АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 124. Л. 42.

ской сессии ВАСХНИЛ, но за несколько месяцев до сессии он с присущей ему прямоотой и резкостью высказал свои взгляды по вопросам биологии в докладной записке, поданной им в отдел науки ЦК ВКП. В этой докладной он сделал ряд предложений относительно применения достижений генетики на службу социалистическому хозяйству с подробным освещением, в частности, вопросов шелководства и селекции шелкопряда, которым он посвятил 18 лет своей научной работы. По ряду пунктов взгляды В. П. Эфроимсона расходились с принятыми позднее решениями сессии ВАСХНИЛ.

Полагая, что в деле В. П. Эфроимсона имеет место неправильное понимание уроков исторической дискуссии по вопросам биологии, не направленной лично ни против одного ученого, я прошу Вас об освобождении мужа и предоставления ему возможности продуктивно вести научную работу на благо нашей страны.

Научную работу В. П. Эфроимсон начал в 1928 г. в возрасте 20 лет, еще будучи студентом, и выполнил ряд работ по исследованию действия коротковолновой энергии и температуры на наследственность и изменчивость. Одновременно он начал работать над разрешением проблем повышения урожайности шелка путем улучшения породы шелкопряда и сделал в этой области ряд предложений. В 1932 г. он был осужден на три года и, отбыв в 1935 г. срок наказания, немедленно вернулся к научной работе, которой отдавал все свои силы, вне которой он не мыслит жизни.

В 1941 г., после защиты диссертации на тему «Генетико-селекционные исследования над тутовым шелкопрядом», ученый совет Харьковского государственного университета единогласно (47 голосов «за», «против» и воздержавшихся не было) утвердил В. П. Эфроимсона в ученой степени кандидата биологических наук.

В первые же дни Отечественной войны В. П. Эфроимсон подал заявление о добровольном вступлении в ряды Красной армии. Через несколько месяцев он, будучи рядовым, наотрез отказался от сделанного ему как кандидату наук предложения демобилизоваться. Начав войну рядовым, он окончил ее капитаном, все время был на фронте, участвовал в боях за Юхнов, Спас-Деменск, Смоленск, Оршу, Витебск, Франкфурт. Приказом по 49-й армии Западного фронта в марте 1943 г. В. П. Эфроимсон одним из первых в дивизии был награжден орденом Красной Звезды. В ответ на его заявление о прежней судимости 1932 г. ему было указано, что вручение правительственной награды снимает судимость. Впоследствии он был награжден еще орденом Отечественной войны и медалями. Я считала, что четырехлетним участием в Отечественной войне он полностью себя политически реабилитировал и смыл с себя пятно судимости.

Демобилизовавшись в ноябре 1945 г., он сразу же с присущей ему страстностью отдался научной и педагогической работе в Харьковском государственном университете. Высокое качество его работы неоднократно отмечалось на заседаниях кафедры и ученым советом, о чем можно судить по протоколам и характеристике.

Результатом напряженной 18-летней практической и теоретической работы В. П. Эфроимсона явилась его докторская диссертация «Проблемы генетики, селекции и гибридизации тутового шелкопряда» – фундаментальный труд, в котором автор обобщил весь опыт советской

и зарубежной науки по селекции тутового шелкопряда и изложил свои оригинальные скоростные методы создания новых пород улучшенной шелконосности, обладающих повышенной жизнеспособностью.

В 1947 г. ученый совет Харьковского университета 43 голосами против 2 присудил В. П. Эфроимсону степень доктора биологических наук после защиты им вышеназванной диссертации. Оппоненты – крупнейшие специалисты Союза в области биологии и шелководства, дали чрезвычайно высокую оценку диссертации, отметив, что она утверждает приоритет советской науки в данной области знания и указали на необходимость скорейшего ее опубликования в виде монографии. Экспертная комиссия ВАК по биологии оценила диссертацию В. П. Эфроимсона как выдающийся научный труд, как образец связи науки с практикой и единогласно рекомендовала автора к утверждению в ученой степени доктора биологических наук. 7 февраля 1948 г. пленум Высшей аттестационной комиссии 28 голосами против 2 утвердил В. П. Эфроимсона в степени доктора биологических наук. Спустя 8 месяцев, 9 октября того же 1948 г., ВАК пересмотрел докторскую диссертацию В. П. Эфроимсона и, найдя ее несоответствующей предъявляемым требованиям, лишил его докторской степени. В 1948 г. В. П. Эфроимсон был снят с работы в Харьковском государственном университете за то, что полтора годами раньше, в 1946 г., он перевел статью из американского биологического журнала (свободно издававшегося тогда во всех научных библиотеках), содержащую критику некоторых научных взглядов академика Лысенко. При этом был поднят вопрос о судимости В. П. Эфроимсона, имевшей место 16 лет назад, несмотря на то что ему уже были прощены эти грехи пять лет назад.

В заявлении на имя министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова В. П. Эфроимсон изложил причины, побудившие его перевести эту статью. Будучи болезненно ревнивым к поддержанию чести советской науки и Советского государства, муж, переводя эту статью, считал необходимым обратиться в отдел науки ЦК ВКП по поводу вопросов биологии, затронутых в этой статье, боясь, что неправильное освещение их в зарубежной литературе может скомпрометировать нашу советскую биологию.

Для мужа характерны принципиальность в вопросах науки, резкая прямота (нередко приводившая к конфликтам с окружающими), глубокая патристичность и полное пренебрежение к материальным условиям и личному благополучию.

Как истинно советский человек, В. П. Эфроимсон, пренебрегая своим личным благополучием, выступал всегда настойчиво, резко, горячо и прямо, не считаясь с тем, что его прошлая судимость давала возможность легко уязвить его, истолковать любую его ошибку как нечто закономерное.

Я полагаю, что муж является жертвой клеветников, пытающихся ввести в заблуждение органы государственной безопасности. В. П. Эфроимсон жаждет лишь одного – плодотворно работать по специальности на благо нашей страны.

Товарищ Сталин! Помогите! Я боюсь, что давняя судимость мужа, горячность, которую он проявлял в вопросах биологии до сессии ВАСХНИЛ, могут создать ложное впечатление, которое перевесит его положительные качества бескорыстного ученого-энтузиаста, всю жизнь посвятивше-

го науке, занимавшегося ею всегда и везде, человека, искренне любящего свою родину.

Не допустите этого, товарищ Сталин, иначе погибнет человек, глубоко преданный родине и науке, ученый, которым еще сможет гордиться наша страна.

12.12.1949
М. Цубина²³

В ответ на письмо Цубиной Сталину пришло уведомление из Прокуратуры СССР о том, что Эфроимсон Владимир Павлович арестован и осужден правильно²⁴.

Во время отбывания наказания в лагере Эфроимсон писал своей жене письма, полные надежды и оптимизма. Приведем выдержки из одного из них:

17.01.1951

Родная, я держусь крепко, втянулся в зимнюю работу и крепок очень, не болею и восстановил полностью память и душевное равновесие. Появилось много книг, и я ежедневно ухитряюсь пару часов читать. Общество чисто мужское, крайне разнообразное и полярное. Немало законченных прохвостов. Быт мой – работа плотника-строителя. Живешь твоими письмами. Не тревожься, не получая долгое время писем от меня, не обижайся краткостью этого письма, сие не от меня зависит. Пиши чаще и подробнее, ты обещала мне описать свою жизнь за эти полтора, уже скоро два года. Выполни, пожалуйста, хоть тебе это, знаю, очень трудно. Нет возможности передать тебе всю ласку и нежность к тебе, которая во мне накопилась, и боль, которую испытываю, вспоминая о прошлом. Целую без конца. Пиши, пиши, пиши.

Всем близким – привет.

Твой Володя²⁵

После досрочного освобождения из лагеря в 1955 г. и амнистии 1956 г. он получил возможность работать библиографом в Библиотеке иностранной литературы. Продолжать работать в генетике Эфроимсон не мог, так как на подобные исследования был наложен официальный запрет, который держался до 1964 г.

Для отечественной биологии и особенно генетики страшным ударом было то, что начиная с 1948 г. были ликвидированы исследования по наиболее передовым и наиболее перспективным направлениям биологии. Результатом этих деструктивных процессов стала утрата лидирующего положения советской науки в столь важных направлениях, как генетика, молекулярная биология и молекулярная генетика. На восстановление утраченных позиций, притом далеко не полное, было потрачено много средств и времени.

Исключение из программ и учебников тематики по основам генетики привело к появлению в нашей стране поколения специалистов, которые получили искаженное представление об основах генетической науки, не были подготовлены практически и методологически.

²³ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 143. Л. 8–11.

²⁴ Там же. Л. 12.

²⁵ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 264. Л. 273–274.

В 1950-е гг. началось первое сопротивление лысенковщине. Большое значение для восстановления генетики человека в нашей стране сыграло издание специальной литературы, в основном переводной. В 1958 г. вышел в свет учебник Дж. Нилья и У. Шелла «Наследственность человека» в переводе С. Н. Ардашникова и Н. С. Четверикова²⁶. Эта книга пользовалась огромной популярностью, особенно среди ученых-генетиков и специалистов-медиков, так как открывала для всех интересующихся механизмы наследственности человека.

Первым отечественным учебником по медицинской генетике в постлысенковскую эпоху стала монография Эфроимсона «Введение в медицинскую генетику», вышедшая в 1964 г.²⁷:

В 1958 г. окончил крайне необходимую для медицины СССР книгу «Введение в медицинскую генетику». Издательство «Медицина» выпустило эту книгу, заполняющую зияющую брешь в медицине СССР, только в 1964 г. и только благодаря решительной поддержке вице-президента АМН СССР, академика АМН и АН В. В. Парина²⁸ (совершенно несущественно, что книга получила за рубежом оценки «превосходная» и «замечательная», будь она самой обыкновенной, при существующей пустоте это играло бы ничтожную роль. Книгу автора «Иммуногенетика» издательство «Медицина» продержало с 1966 г. по 1971 г. К моменту выхода обе книги, несмотря на обновления (в рамках сниженного объема), оказались настолько устаревшими, что их уже было неудобно издавать за рубежом²⁹.

В своих рукописных документах, озаглавленных как «Некоторые уроки борьбы за науку и против науки», Владимир Павлович писал:

Обсуждая пути быстреего вывода отстающих разделов нашей биологии на нужный уровень, нельзя не остановиться на некоторых уроках истории, ярко освещающих то, с чем столкнулась советская биология, медицина и сельскохозяйственные науки в 1963–1964 гг., когда разом появилось множество книг, которые нельзя назвать иначе как дезин-

²⁶ Нилья Дж., Шелл У. Наследственность человека. М., 1958.

²⁷ Эфроимсон В. П. Введение в медицинскую генетику. М., 1964.

²⁸ Василий Васильевич Парин (1903–1971) – советский физиолог, академик АН СССР (1966) и АМН СССР (1944). Его основные исследования были посвящены физиологии кровообращения, проблемам космической биологии и медицины. Им открыт механизм регулирования притока крови к сердцу нервной системой (рефлекс Парина). С 1941 по 1943 г. – профессор, заведующий кафедрой нормальной физиологии, директор 1-го Московского медицинского института им. И. М. Сеченова, с 1942 по 1945 г. – заместитель наркома здравоохранения СССР. В 1944 г. стал одним из учредителей Академии медицинских наук СССР и ее первым академиком-секретарем. В 1947 г. после возвращения из зарубежной поездки в США был обвинен в шпионаже и приговорен к 10 годам лишения свободы. Досрочно был освобожден в 1953 г. и полностью реабилитирован в 1955 г. С 1963 по 1966 г. – вице-президент Академии медицинских наук СССР, в 1960–1965 гг. – директор Института нормальной и патологической физиологии АМН СССР, в 1965–1969 гг. – директор Института медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР.

²⁹ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 116. Л. 13.

формирующими. Нельзя не вспомнить опубликованное в «Правде» от 13.07.1961 г. предложение Т. Д. Лысенко включить в программу партии следующий пункт: «Шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке, которое исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира и на этой основе впервые в теории и на практике доказана возможность направленного изменения наследственности». Казалось бы, здесь осуществляется лишь законное право каждого советского гражданина предлагать свои поправки к обсуждаемой программе партии. Однако на самом деле появление этого предложения в печати перед самым открытием съезда, принимавшего программу, означало, что предложения, отвергающие поправку Т. Д. Лысенко, в печать не попадут, и поправка может пройти. Вместе с тем Т. Д. Лысенко не мог не сознавать, что его «поправка» была совершенно неприемлема не только для подавляющего большинства зарубежных ученых (биологов, селекционеров, врачей и т. д.), но и для очень большого числа советских ученых, партийных и беспартийных. Однако в случае принятия поправки все бесчисленные противники взглядов Лысенко должны были бы либо впредь изображать согласие с ним, либо оказываться в положении лиц, занявших антипартийную позицию. К счастью для советской науки и для престижа коммунистической партии четкую концовку поправки удалось в ходе обсуждения на самом высоком уровне отвести и осталось такое определение мичуринского направления, которое совпадает с общепринятым учением Дарвина. Но расценивая ретроспективно действия Т. Д. Лысенко, нельзя не понять, что им была осуществлена во внешне законной форме акция, чрезвычайно опасная для советской науки, для советской практики, педагогики. Эта акция заключалась в попытке, вводя партию в заблуждение, используя ее авторитет, навязать советскому народу совершенно неверные догмы, то есть повторить прием, с такими роковыми последствиями, использованный в 1948 г. Нечто подобное было осуществлено и при недавнем выдвижении книги «Очерки диалектики живой природы» на Ленинскую премию. С точки зрения уровня самого изложения эта книга состояла из очерков, по рангу не подымающихся выше брошюрных, с точки зрения фактического содержания – решающие главы книги были глубоко неверны, давали читателю лишь совершенно неправильное представление как о факторах эволюции, так и о явлениях и законах наследственности. Это, например, выявилось при обсуждении книги в Институте радиационной биологии, а также в рецензии в «Правде». Однако при создавшихся в 1963–1964 гг. условиях пренебрежения к науке, к мнению специалистов, слепого доверия к некоторым лицам, в результате волюнтаристического решения при выдвижении книги на Ленинскую премию создавалась возможность ее утверждения, а следовательно, и ввода ее в качестве обязательного руководства в программы, выпуска массовым тиражом и т. д., при этом в обход оценки подлинных специалистов и с зажимом этой оценки. Лишь обстоятельства, от авторов книги не зависящие, помешали книге стать причиной дезинформации миллионов советских граждан по важнейшим вопросам естествознания и марксистско-ленинской философии³⁰.

³⁰ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 206. Л. 120–121.

В 1965 г. Владимир Павлович написал письмо к секретарю Ленинградского обкома КПСС В. С. Толстикову, в котором попросил восстановить памятник Грегору Менделю – основателю генетики:

Обращаюсь к Вам с вопросом, имеющим некоторое международное значение и требующим Вашего срочного указания. По инициативе чехословацкого правительства 1965 г. объявлен научными организациями ООН международным годом Менделя.

Открытия Менделя, долго оспаривавшиеся и опорочивавшиеся, впервые установили корпускулярность строения наследственного вещества, законы рекомбинации этих корпускул (генов) и лежат в основе важнейших современных открытий в области биологии (ДНК, код наследственности и т. д.).

И. П. Павлов чрезвычайно высоко оценил работы Менделя и поставил ему бюст в Колтушах, в ряду других величайших ученых. Привожу подлинные слова И. П. Павлова (газета «Известия» 2.11.1935) «Жизнь требует всемерного использования открытых Менделем законов наследственности. Генетические истины достаточно изучены для того, чтобы интенсивно начать их практически применять. Воплощение в жизнь научной истины в законах наследственности поможет избавить человечество от многих скорбей и горя».

В связи с предстоящим столетним юбилеем открытия Менделя и созываемым юбилейным Международным конгрессом в Брно, музей имени Менделя в Брно письмом от 14.10.1964 г. № 1132 просит меня прислать фотодокументацию об отношении И. П. Павлова к Г. Менделю и сведения о бюсте Г. Менделю в Колтушах более подробные, чем приводимые мной на странице 66 книги «Введение в медицинскую генетику». По полученным мною сведениям бюст Менделя цел, но снят с постамента и хранится на чердаке в Колтушах. Поскольку вопрос имеет большое значение, прошу Вас лично дать указание о возвращении бюста Менделя на надлежащее место в Колтушах в соответствии с истинным значением этого ученого и действительным отношением к нему И. П. Павлова³¹.

Только спустя годы, в 1962 г., Эфроимсону вновь была присвоена ученая степень доктора биологических наук, а в 1967 г. – звание профессора.

Всю свою жизнь Владимир Павлович прожил очень скромно, у него в доме никогда не было ни радио, ни телевизора. Главным достоянием ученого были его книги, которые он бережно собирал и внимательно прочитывал. Он работал по 12–18 часов в день над своими статьями и книгами, многие из которых были опубликованы уже после смерти ученого: «Гениальность и генетика» (1998), «Генетика этики и эстетики» (1995), «Педагогическая генетика» (1998). Его статья «Родословная альтруизма», опубликованная в 1971 г. в «Новом мире» (№ 10), произвела в свое время огромное впечатление на интеллигенцию, это была прекрасная и оригинальная философская работа.

Анализ архива Эфроимсона позволил четко осознать, что его личности всегда была присуща свобода мысли и твердость убеждений вне зависимости от высоких авторитетов, которые «регулировали» дозволенность границ развития подобных убеждений.

³¹ АРАН. Ф. 2024. Оп. 1. Д. 206. Л. 198.

В. Н. Беклемишев когда-то написал очень хорошие слова:

Человек вяжет свой узелок. С начала своей сознательной жизни он тянет к себе со всех сторон ниточки – от всех близких, а позже – и от далеких, прежде живших. Самостоятельные нити он тянет от Природы и от Духа. И из них он плетет свой синтез, свой узел. И почти так же рано он начинает отдавать нити. И чем дальше идет жизнь, тем больше отдаешь, и наступает период, когда больше отдаешь, чем получаешь, а затем может наступить время, когда приток нового замедляется и, наконец, прекращается, и ты все больше отдаешь из прежде накопленного. Какова интенсивность обмена? Сколько ты успел накопить, каков объем, какова структура накопленного тобой? Насколько туг твой узел, насколько крепок твой синтез, насколько измененными выходят из тебя нити, насколько ценен этот синтез, насколько улучшились, пройдя через него, нити традиции и нити нового восприятия? Какие новые нити сумел ты сплести из того и из другого? Или только искажил, только перепутал, и твой синтез не синтез, а путаница [...]

И насколько ты успел протянуть свои нити вширь человечества и вглубь будущего? Или то, что ты скопил, так бесполезно и растает как никому не нужный узелок? Или же от него побегут нити дальше и дальше, вплетаясь в новые узелки, трансформируясь, расщепляясь, переплетаясь, они войдут в ткань Человечества и в почти не узнаваемом виде пройдут по ней далеко-далеко (курсив наш. – Е. М., Р. Ф.)³².

Нам кажется, что последняя фраза этого мудрого высказывания полностью применима к жизни и творчеству Эфроимсона.

От редколлегии

Редакция и редколлегия журнала «Вопросы истории естествознания и техники» хотели бы воспользоваться приятной возможностью поздравить одного из авторов статьи, Елену Борисовну Музрукову, с юбилеем. Один из ведущих отечественных историков биологии, доктор биологических наук, руководитель Центра истории социокультурных проблем науки и техники ИИНТ РАН, автор многих историко-научных работ, Елена Борисовна внесла особенно большой вклад в развитие таких областей, как история цитологии, генетики и биологии развития. Уже первая ее монография «Формирование представлений о причинах индивидуального развития: исторический очерк» (1979) получила широкую известность среди историков биологии и активно цитируется вплоть до настоящего времени, за ней последовали такие не менее востребованные труды, как «Роль цитологии в формировании и развитии общебиологических проблем» (1988), «Т. Х. Морган и генетика. Научная программа школы Т. Х. Моргана в контексте развития биологии XX столе-

³² Владимир Николаевич Беклемишев (1890–1962) – академик РАН, выдающийся отечественный ученый, зоолог, эколог и маляриолог, методолог науки. Цитируемые слова взяты из его записки-размышления, которую он адресовал своему сыну К. В. Беклемишеву. Ознакомиться с ней авторы настоящей статьи смогли благодаря любезности М. К. Беклемишева, внука В. Н. Беклемишева.

тия» (2002), «Владимир Беклемишев – пророк XX века» (2009, совместно с Л. В. Чесновой). Невозможно преувеличить и иной аспект ее вклада в науку: талантливый педагог, она никогда не отказывалась от подготовки научной смены и руководства аспирантами, помогая им в решении не только научных, но и жизненных проблем и обладая не таким уж частым даром при демократичном характере своего наставничества вовремя доводить их до успешных защит. Многие из ее бывших аспирантов стали ее коллегами и по достоинству оценили ту атмосферу интеллектуальной свободы и человеческой теплоты, которую Елена Борисовна культивирует в руководимом ею Центре истории социокультурных проблем науки и техники ИИИТ РАН.

Мы желаем Елене Борисовне крепкого здоровья, творческого долголетия и новых свершений на научном поприще.